

Лисовая_Давайте спасём эту дуру!

Комедия

Действующие лица:

Мария Шотландская

Шрусбери, лорд-надзиратель

Рыжая Бесс, его жена

Актёры труппы лорда камергера:

Генри Маргаритка

Бен Дырявая Корма

Лоханка Сэм

Актёры труппы лорда адмирала:

Джонни Гульфик

Бартоломью Толстая Крыса

Трактирщица

Действие 1.

Трактир.

Трактирщица и Генри

Трактирщица: Ну-ну, малыш, и что ты ответил этому мерзавцу?

Генри: Я ему, леди, с достоинством, прошу заметить, говорю: от вашего корнуэльского эля доброго человека и пронесёт, и вырвет, и тошнить будет неделю. Хотя желудок он укрепляет получше, чем уэльская медовуха.

Трактирщица: Это верно. Мой третий муж маялся запором две недели, но стоило ему выпить пару кружек этого пойла, как его прохватил такой понос, что он помер на следующий же день.

Генри: Мерзавец мне возражает, мол, пиво, которое варит леди Маргарет, ни в какое сравнение не идёт, воняет дохлой кошкой и мутное, как лошадиная моча. Мне стало обидно за леди, и я вкатил мерзавцу оплеуху.

Трактирщица: Вступился, значит, за даму. Уважаю. Правда, леди Маргарет действительно ни лешего не смыслит в пиве. Вот, моего хлебни-ка ещё, малыш. И что же, что было дальше?

Генри: Откровенно говоря, леди, к тому времени мы перепробовали все напитки, которые нашлись в харчевне у леди Маргарет, поэтому дальнейшее я помню смутно, очень смутно. Ну, конечно, начались тумачи, пощёчины... Кажется, я бил констебля оленьей тушей по голове, а потом темнота... Прекрасное пиво, леди.

Трактирщица: Да уж. Некоторые взяли моду подмешивать гвоздику и перец, чтобы скрыть, что напиток не добродил. Бессовестные твари. Рассказывай, рассказывай дальше.

Генри: Когда я очнулся, кругом снова была темнота. Да и пованивало, чего уж скрывать. Представьте, меня избили до полусмерти и кинули в могилу к чумным трупам! Когда я нащупал... Ну, вы понимаете... И догадался, где я...

Трактирщица: Бедный, да как ты не рехнулся там со страху.

Генри: Сам не знаю, милая леди. Но милосердному Богу было угодно сохранить мою жалкую жизнь. Меня даже зараза не взяла! И я дал себе слово непременно совершить какой-нибудь подвиг, облагодетельствовать людской род. Уж, наверное, Господь ждёт от меня чего-нибудь эдакого.

Трактирщица: Малыш, если тебе непременно охота кого-нибудь облагодетельствовать... Мой последний муж скончался три месяца назад, от него осталось две пары довольно крепких штанов и бархатный берет. Чего им лежать без дела? Ну же, смелей, Генри!

Генри: Добрая леди, а кто это там идёт?

Трактирщица: Оборванцы, прощелыги, нехристи, врунишки, развратники, нищие негодяи!

Генри: Стало быть, актёры. Спрячьте меня, леди!

Генри прячется. Входят Джонни Гульффик и Бартоломью Толстая Крыса.

Бартоломью: Хозяйка, обслужи-ка по первому разряду.

Трактирщица: Закуску подавать?

Джонни: Хлебные корки есть?

Трактирщица: Есть.

Бартоломью: Смотри-ка, и даже с мясными обрезками.

Трактирщица: Со вторника стоят, вас дожидаются. Где это вы шлялись три дня?

Джонни: Тебе этого лучше не знать. Зато сегодня мы не только пьём, но и закусываем.

Бартоломью: Обслужить по первому разряду актеров труппы лорда адмирала!

Входят Бен Дырявая Корма и Лоханка Сэм.

Сэм: Ни с места! Первыми здесь обслуживают актеров славной труппы лорда камергера.

Джонни: Славная труппа? Славная своим ежевечерним позором, не иначе.

Бен: Что сказал этот человек? Он так шепелявит, что я ни слова не разберу.

Сэм: Бартоломью Толстая Крыса! Тебе не страшно выходить на подмости? Они каждый раз так скрипят под тобой, вот-вот провалятся.

Бартоломью: А ты, Лоханка Сэм, играл Генриха Четвёртого и блевал с перепоею прямо на головы честным зрителям!

Джонни: А они заплатили!

Трактирщица: Кончайте свой балаган! Идите, выступайте в своих театрах, там есть охотники смотреть, как вы придуриваетесь.

Бартоломью: Мы бы с радостью, дорогая леди, но ведь театры в Лондоне уже полгода как закрыты из-за чумы.

Джонни: Говорят, ещё полгода не откроют.

Сэм: Ох, да молчи ты, не каркай! Играешь баб на сцене, и сам стал как баба.

Бен: Труппы покинули Лондон и кочуют по окрестным замкам.

Трактирщица: Знаю, не жалобите.

Сэм: А ведь далеко не любой хозяин замка готов нас приютить.

Джонни: И не любой готов накормить.

Бартоломью: Что ты делаешь, Джонни? Зачем ты отгоняешь муху от корзинки с обрезками? Ей ведь тоже голодно, как и тебе. Пусть и муха поест тоже. Бедный актёр станет её меценатом.

Бен: Поделом вам. Нечего было воровать у нас пьесы.

Джонни: Когда это мы воровали у вас пьесы?

Сэм: А кто открыл сезон трагедией «Сын Саберта, что погиб в битве с Уэссексом, плечом к плечу сражаясь рядом с Севардом и Сексредом»?

Бартоломью: Это совершенно другая пьеса. Мы просто взяли в работу тот же сюжет. Это ведь не запрещено?

Бен: Да вы просто сдули у нас постановку! Признавайтесь, кого вы послали на наш спектакль? Кто торчал в толпе и запоминал мизансцены и тексты?

Сэм: Да ещё как скверно запоминал, извратитель!

Джонни: Какие-то дикие обвинения. Бартоломью, чего хотят эти люди?

Сэм: Мы хотим, чтобы ты, Джонни Гульфиг, поимел совесть! Особенно мне обидно за сцену гибели доблестного Севарда. На дрожащих ногах выходит Севард на подмости. Из раны хлещет кровь. Последние силы собирает герой, чтобы сказать:

О ветры бедной родины моей!

Слова любви последней подхватите

И донесите доброй леди Эстер,

Чтоб в сердце заключила их она

Навеки...

Бен: О, горькая мука! О, сладкие слёзы сострадания! Это я как бы от лица зрителей, вы понимаете.

Сэм: А у вас, несчастные кустари? Севард выходит на сцену, из живота у него торчит кинжал...

Джонни: Так эффектнее.

Сэм: Не тывкай. Выползает ваш косорылый Севард и начинает бляеть:

Перед концом пускаю ветры я,

Лови же их, супружница моя.

Бартоломью: Где вы учились мастерству, несчастные? Всем известно, что рифмованный финал даёт убедительность, ставит мощную точку.

Бен: Мощную точку я сейчас поставлю в твоей жалкой жизни, ворюга.

Трактирщица: Эй, я сейчас позову констебля.

Бартоломью: Так вот же тебе сюжет в современном вкусе, для драмы нового толка, Бен Дырявая Корма. Клянусь пяткой Мельпомены, что ни один из славной труппы лорда адмирала не запятнал себя предательством и воровством у коллег.

Бен: Это серьёзное заявление, Толстая Крыса.

Бартоломью: Ищите предателя в своих рядах. Леди! Пива мне и Джонни Гульфику. И этим двум уважаемым джентльменам тоже.

Сэм: Скажите же нам, кто этот подонок?

Джонни: Сами догадайтесь.

Бартоломью: Из вашей труппы наверняка ведь кто-нибудь исчез без следа в последние недели?

Сэм: О, слишком многие, Толстая Крыса, слишком многие. Мы потеряли Николаса Склянку, Джима Кочерыжку, Бобби Шлюху со всем семейством...

Бен: Но все эти достойные джентльмены честно откинулись от чёрной заразы.

Сэм: Кроме Бобби Шлюхи.

Бен: Кроме Бобби Шлюхи. У него сгорел дом, и он переехал к своей бабушке в Кент.

Сэм: В общем и целом, ничего особенного.

Бартоломью: Вы кое-кого забыли.

Сэм: Будь я проклят. Генри!

Бен: Генри Маргаритка?

Сэм: Я после первой с ним репетиции говорил: лучшее, что можно сделать с этим слизняком, - придушить его.

Бен: Гнусный предатель!

Сэм: Пародия на артиста!

Бен: Жалкая бездарность! В женских ролях он басит, в ролях любовников блеет, никогда не знает текста и блюёт после второй кружки, ничтожество.

Генри (выходит из укрытия): Ну, вот это уже неправда! Я выпил три кружки, держусь молодцом, спросите у леди.

Трактирщица: Пойду за констеблем.

Генри: Нет! Прошу вас, леди, не уходите. Не оставляйте меня одного с ними.

Сэм: Идите, леди, идите. Пока вы ходите, мы как раз успеем содрать с него шкуру и намотать кишки на вертел.

Бен: Предатель! Утащил нашу пьесу, продал конкурентам, ещё и надругался над ней!

Сэм: Читай молитву, если помнишь хоть одну, Генри, потому что сейчас ты начнёшь умирать мучительной смертью. Держите его покрепче, коллеги.

Генри: Не надо! Пощадите! Я искуплю, я что-нибудь придумаю, я договорюсь о спектакле!

Бен: С кем это, интересно, ты договоришься о спектакле? В округе уже не осталось ни одного богача, не знакомого с нашим искусством, и далеко не все они жаждут продолжить это знакомство.

Генри: Я видел, я видел... неподалёку отсюда. Новенький замок, и двух сотен лет не простоял, знаете, со всеми этими новомодными архитектурными штучками, он обитаем, уж, наверное, хозяин его человек не бедный.

Трактирщица: Рыцарь Шрусбери. Хозяина замка зовут Шрусбери, добрейшей души человек, он тюремщик Непристойной Королевы. Да что вы смотрите на меня, будто слышите о ней в первый раз?

Бартоломью: Видите ли, дорогая леди, в свете определённых политических обстоятельств и конъюнктур словосочетание «непристойная королева» несколько пугает нас, бедных артистов, целиком зависимых от произвола властей.

Трактирщица: Да бросьте, вы действительно не знаете о шотландской пленнице?

Джонни: Та самая, что прикончила своего второго муженька, чтобы выскочить за третьего?

Трактирщица: Ну да, дело было в Шотландии. Тамошних лордов непросто прибрать к рукам, а третий-то муженек помогал ей порешить второго, соображаете? Лорды, ясное дело, прямо взбесились, когда про это узнали, они ведь и так-то её недолюбливали, вот ей и пришлось бежать в Англию. Это уж у заграничных королей так заведено, чуть что не так, беги в Англию. Ну, а у нас в Англии, сами понимаете, законы не позволяют убивать мужей, да и нехорошо это, по правде сказать. Вот наша королева, да продлит Бог её королевские лета, подумала, подумала, да и посадила шотландскую под замок. Оно и от лордов подальше, и самой спокойнее. А королева эта, которая под замком, верите ли, её к мужчинам на шаг подпускать нельзя. Охмурит, очарует и погубит! Говорят, от неё многим кончина пришла.

Бартоломью: Непристойная Королева.

Сэм: Королева-убийца.

Джонни: Таинственная пленница.

Бен: Да это лучший сюжет из всех возможных!

Генри: Как знать, не захочет ли сэр тюремщик развлечь свою августейшую пленницу спектаклем?

Джонни: Тебя, наверное, слишком сильно приложили башкой, Генри Маргаритка. Где это видано, чтобы пленников развлекали спектаклями.

Трактирщица: О, мой милый, я думаю, ты посидел бы тоже в таком плену. Наряжают её в шелка и бархат, выпускают на охоту, на конные прогулки, да у неё даже есть своя свита! Может, и спектакль ей позволят поглядеть.

Генри: Птица в клетке, пленная королева. Когда ты взаперти, не обрадуешься ни бархатным нарядам, ни скакуну в богатой сбруе. Когда ты взаперти, то мечтаешь хоть босиком пройти по траве, по пыльной дороге, и не страшно, что можешь поранить ноги об острые камни. Только бы стать свободным, только бы не знать надзирателей над собой.

Трактирщица: Куда ж мы без надзирателей, малыш.

Генри: Бартоломью Толстая Крыса, Джонни Гульффик, Бен Дырявая Корма, Лоханка Сэм, обещаю вам: мы сыграем спектакль для пленной королевы!

Действие 2.

Замок Шрусбери в Уингфилде.

Шрусбери и Рыжая Бесс

Шрусбери: Невыносимая, невыносимая, невыносимая жизнь!

Рыжая Бесс: Я предупреждала вас, что пить вино во время приступа подагры – плохая идея.

Шрусбери: Молчи, несчастная. Терпеть не могу вот это твоё «Я вас предупреждала»! Пить вино плохая идея... А что мне ещё пить?

Рыжая Бесс: Святые, например, пили воду и ели хлеб.

Шрусбери: Воду? Какая-нибудь чумазая прачка тащит кучу исподнего к реке, чтобы выполоскать, в этой же воде нищий моет свои ноги, туда же сбрасывают помои из кухни, и я должен это пить?

Рыжая Бесс: Кстати, наша мадам вчера вечером заявила, что ей нужны чулки, дюжина рубашек, три пары новых туфель и...

Шрусбери: Остановись, прошу тебя. Если ты ещё хоть словом напомнишь мне об этой женщине, я тебя задушю.

Рыжая Бесс: Нет уж, дорогой мой, изволь выслушать сейчас. Я тебя знаю, к вечеру ты накачаешься и будешь способен только мычать. Эта женщина – наша работа, наш крест, возможно, наше наказание, а может быть, мы спасёмся через мучения, которые она нам доставляет. Мы здесь именно затем, чтобы она докучала нам и не докучала её величеству.

Шрусбери: Прошу тебя, без нравоучений. Что ей опять нужно?

Рыжая Бесс: Ей нужно новое бельё, новая обувь и новые платья.

Шрусбери: Новые платья? Куда она дела старые?

Рыжая Бесс: Старые на неё больше не налезают.

Шрусбери: Зачем же она столько лопаает, проклятая корова?

Рыжая Бесс: Вы сами запретили Марии Шотландской конные прогулки и выезды на охоту. Что же ей остаётся?

Шрусбери: А что остаётся мне? На сотню умных людей обязательно найдётся парочка бездельников, готовых вопить: «Давайте спасём эту дуру»! Дёрнуло её бежать в Англию. Со своим хозяйством управиться не могла, и к нам явилась воду мутить. Выпустить на волю – невозможно. Держать взаперти – она устраивает из моего дома приют для буйнопомешанных. Честное слово, иногда мне кажется, что если бы эта мадам ненароком вывалилась из окна, всем стало бы легче.

Из соседней комнаты слышно пение Марии.

Шрусбери: Слышишь? Вот опять. Какой-то враг внушил ей мысль, что она хорошо поёт. Невыносимая, невыносимая, невыносимая жизнь!

Пение затихает.

Шрусбери: Пятнадцать лет, даже больше, ты тут торчишь. Как же ты мне надоела.

Рыжая Бесс: О, мой милый, мой бедный замученный супруг! Всё ведь так просто. Её нужно развлечь.

Шрусбери: Как я её развлеку? Спляшу перед ней голым на столе?

Рыжая Бесс: Нет, милый, это вряд ли поможет. Когда женщина всерьёз начинает тосковать, её спасёт только приключение.

Шрусбери: Какое это ещё приключение я должен устраивать для пленницы её величества?

Рыжая Бесс: Любовь.

Шрусбери: Что?

Рыжая Бесс: Она должна влюбиться. И тогда Мария Шотландская перестанет докучать вам своими капризами, ей будет не до вас.

Шрусбери: Чего доброго, она влюбится в молодчика, который устроит очередной заговор.

Рыжая Бесс: Ваше дело не допустить этого. Нам нужен симпатичный идиот. Такой, знаете, кромешный, непроходимый, наивный дурачок со смазливой личиком и отсутствием мыслительных способностей.

В комнату из окна вваливается Генри. Рыжая Бесс визжит.

Шрусбери: Это что ещё такое?

Генри: Простите, простите, это не я, это дерево! Очень скользкие ветки.

Шрусбери: Прекрасно. Что ж мне теперь, липу рубить?

Генри: Зачем же её рубить, добрый сэръ?

Шрусбери: Затем, чтобы ко мне в окна не лез всякий сброд.

Генри: Я виноват, сэръ, но мне было необходимо переговорить с вами, а у ворот замка поставлена стража.

Шрусбери: Неужели? Ай-яй-яй.

Генри: Что мне оставалось? Только забраться на дерево и лезть в открытое окно. Я не хотел пугать леди. Я хотел тихонько постучать по раме, но у меня соскользнула нога. Руки сами схватились за створки, и вот я здесь. Может быть, вы всё же выслушаете меня?

Шрусбери: Излагай, только быстро.

Генри: Я актёр труппы его светлости лорда камергера. Конечно, не сразу я стал актёром, был помощником конюха, помогал в лавке мясника, сами понимаете, насмотришься всякого...

Шрусбери: Что тебе нужно, несчастный?

Генри: Труппа лорда камергера – очень хорошая труппа, нам даже недавно выстроили новое здание, и оно только наше, там нет ни харчевни, ни зала для игры в мяч, мы не делим его с детскими коллективами...

Шрусбери: Я сейчас раскрошу твою пустую голову об эту стену. Что ты от меня хочешь?

Генри: В Лондоне сейчас, как вы, может быть, слышали, запрет на театральные спектакли из-за чумы. Может быть, вы разрешили бы нам сыграть для вас несколько представлений? У нас в репертуаре имеются нравоучительные, высокоморальные спектакли, а также развлекательные с танцем, мы можем организовать для вас семейный праздник или помочь достойно отметить скорбную дату, у нас прекрасные костюмы, настоящий бархат, и отличный реквизит, одна адская пасть чего стоит, утомительно везде таскать её за собой, но чего не сделаешь ради искусства...

Шрусбери: Бесс, пожалуйста, выйди из комнаты. Сейчас тут во все стороны полетят кровавые ошмётки, ты запачкаешь платье.

Генри: О, сжальтесь надо мной, могущественный господин! Если вы не позволите нам сыграть у вас хотя бы один спектакль, мои товарищи прикончат меня, а потом умрут с

голоду. Или пойдут на какое-нибудь преступление, и тогда вина за их грехи ляжет на вашу душу!

Рыжая Бесс: Милый, позволь мне поговорить с этим юношей. Перестань, пожалуйста, пыхтеть и булькать, ты похож на раскалённый котелок. (Генри) И ты, мальчик, не трясись. Как тебя зовут?

Генри: Генри, добрая леди. Генри Маргаритка кличут меня мои товарищи.

Рыжая Бесс: А меня мой супруг, мой рыцарь, называет Рыжая Бесс.

Генри: Как забавно.

Рыжая Бесс: В супружеском гнёздышке каких только словечек не подберёшь для любимого. Так и коротаем мы денёчки, он да я. Тут и играть-то не для кого, Генри.

Генри: О, госпожа, если артист видит перед собой истинного ценителя, он готов играть даже перед ним одним. И потом, разве кроме вас тут никого? А как же Непристойная Королева?

Шрусбери: Что-что?

Генри: Я хотел сказать, Шотландская пленница.

Шрусбери: А ты ещё спрашиваешь, почему я запретил ей гулять, Бесси. Последний оборванец уже в курсе, где сидит эта чёртова баба.

Генри: Сэр, я прошу вас не называть так леди. Она, хоть и грешница, хоть и в плену, но всё же дама королевского достоинства.

Шрусбери: Я один это слышу, Бесс?

Генри: Теперь я вижу ясно, что не напрасно лез на старую липу. Ваша душа, сэр рыцарь, очерствела от жестоких испытаний, выпавших вам на долю. Этот дом видит слишком мало радости, а сострадания не знает вовсе. Пробудите ваше сердце, размягчите его, улыбнитесь сквозь слёзы, обретите новый путь, путь добра, милосердия, света!

Шрусбери: Всё ясно, этот парень помешанный.

Генри: Лорд тюремщик, посмотрите наше представление, и ваша жизнь изменится! Вы станете счастливее, театр сделает вас счастливее!

Шрусбери: Счастливее, говоришь ты? Я скажу тебе, что делает меня счастливее. Кувшин вина за завтраком, три пинты пива за обедом и бутылка джина за ужином, вот что делает меня счастливее. Непристойная королева? Шотландская пленница? Да она упырь, созданный для того, чтобы пить из людей кровь. Больше пятнадцати лет она изводит меня своими капризами, укорами, нытьём, бесконечными штучками, которым я и названия подобрать не могу. Это я пленник, я! Мне нужно ехать лечиться на воды, а я не могу. Приказ её величества. Я не имею ни одной минуты, свободной от забот.

Генри: Один спектакль, сударь! Один единственный спектакль, сыгранный в вашем прекрасном замке, умоляю.

Шрусбери: Бесс, попроси леди Марию прийти сюда. Договаривайся с ней сам, парень.

Рыжая Бесс: Вот она, легка на помине.

Входит Мария Шотландская.

Рыжая Бесс: Доброе утро, мадам. Как ваше здоровье?

Мария: Благодарю, почти так же скверно, как ваша причёска. Что это за пятна у вас на щеках?

Рыжая Бесс: Не знаю, мадам.

Мария: Шрусбери, ваша жена опять объелась сладостями за ужином? Посмотрите, у неё всё лицо в каких-то пятнах.

Шрусбери: Нет, мадам, моя супруга весьма умеренна в пище. Она никогда не объедается.

Мария: Значит, она поедает сласти потихоньку от вас. Тайноядение, известен вам такой грех?

Шрусбери: Да, мадам, мне известны многие грехи. Но я, в отличие от некоторых других, что не выпускают молитвенника из рук, не знаю греха убийства. Во всяком случае, пока.

Мария: Говорят, в аду стоит страшное, невысказанное зловоние.

Шрусбери: Рано или поздно мы в этом удостоверимся, мадам.

Мария: Чем это пахнет, сэр?

Шрусбери: Не понял. Это вы в унижительном смысле, мадам, или вас в самом деле беспокоит какой-то запах?

Мария: Если я говорю, что чувствую противный запах, значит, я его чувствую, не нужно пытаться сбить меня с толку.

Шрусбери: Ах, да, мадам, это, вероятно, пахнет вон тот парень. Но вы не беспокойтесь, мы его отмоем. Точнее, вышвырнем за порог.

Генри: Мадам! Имею счастье предложить вам увидеть представление актёров театральных трупп лорда адмирала и лорда камергера. Лучшие театральные силы Лондона готовы для вас явить свои таланты и способности, поразить ваше воображение героическими картинами прошлого, тронуть сердце рассказом о великой любви или же рассмешить историей какого-нибудь дурака, если вам будет угодно.

Мария: Театр – приют нечестивых. Шрусбери, потрудитесь впредь ограждать меня от подобных впечатлений. Вы испортили мне утро. Всего хорошего.

Мария уходит.

Генри: Я тоже, пожалуй, пойду, добрая леди. Сэр. Лучше пусть мои товарищи растерзают меня.

Шрусбери: Куда? Стоять. Я столько лет никуда не могу деться от этой стервы, а ты вот так развернёшься и уйдёшь?

Генри: Ваша милость?

Шрусбери: Бесси, распорядись, пусть этого дурака отмоют и переоденут.

Генри: Я не хочу!

Шрусбери: С этой минуты ты обязан развлекать пленницу её величества всеми доступными тебе способами.

Генри: Она не захотела даже взглянуть на меня, сэр!

Шрусбери: Меня это не волнует. Твоя работа сделать так, чтобы она была в хорошем настроении. Пусть она издевается над тобой, а меня оставит в покое. Если для этого нужно сыграть спектакль, десять спектаклей – пожалуйста. Но она должна сидеть, глядеть и хлопать в ладоши.

Генри: Она ненавидит театр!

Шрусбери: Так добейся, чтобы она его полюбила, шут тебя раздери! Бесси, тащи его в мильню. От парня и вправду несёт, как от сорока тысяч дохлых псов.

Рыжая Бесс уводит Генри.

Шрусбери: Уф! Даже нога прошла. Неужели дело дойдёт до театра? И где, в моём доме. Явится толпа покрашенных мужиков, они выпьют и сожрут все мои припасы. Чего доброго, конюхов мне испортят. А эти их, с позволения сказать, репетиции? Мне как-то в детстве случилось видеть одну. Сумасшедший дом, да и только. Чуть не передушили друг друга, разругались, какому-то болвану, кажется, разбили голову, и потом выяснилось, что они так репетируют всегда. Ничего не поделаешь, друг ты мой, рыцарь Шрусбери! Если хочешь сохранить рассудок, придётся потерпеть. Да, мадам Мария, вы столько лет закатывали мне спектакли, так уж теперь, будьте любезны, извольте испытать на себе это удовольствие. Воображаю, как она будет ныть, молить о пощаде, но я буду непоколебим! Сидите, ваше пленное величество, и смотрите, как покрашенные мужики в перьях кривляются перед вами и завывают дикими голосами! О, какая роскошная, какая изощрённая пытка. Тот, кто придумал эту адскую штуку, театр, наверняка был настоящим извращенцем!

Покои Марии.

Генри (отмытый и переодетый), Рыжая Бесс.

Генри: Поразительно! Это же настоящие штаны, и без единой дырки.

Рыжая Бесс: Дай-ка взглянуть на тебя. Да ты хорошенький чертёнок!

Генри: Благодарю, леди.

Рыжая Бесс: Ну что ж, теперь твоя судьба в твоих руках, Генри. Если сумеешь понравиться Марии Шотландской, ты и твоя шайка получите заработок.

Генри: Ох, леди... Если бы я знал, что она так сурова к бедным актёрам!

Входит Мария.

Генри: Авава... вава... ва...

Мария: Что здесь делает этот юноша, мадам?

Рыжая Бесс: Трясётся и заикается, насколько я могу судить, госпожа моя.

Мария: Почему он занимается этим в моей комнате?

Генри: Ваше непристойное величество, сжальтесь надо мной! Я и мои товарищи – жалкие нищие актёры, мы погибаем без работы и денег. Если вы не дадите своё милостивое согласие посмотреть наше представление, мои друзья меня убьют, они разорвут меня на части, но сначала повесят, а перед этим вырвут мне кишки. Что я говорю, несчастный дурак. Но это чистая правда, дорогая непристойная королева!

Рыжая Бесс: Ради всего святого, перестаньте её так называть.

Мария: Ваше положение настолько скверно?

Генри: Театры закрыты из-за чумы. Те из нас, кто выжил, попросту голодают, мадам.

Мария: Но отчего же вы не найдёте себе другое ремесло, чтобы смело смотреть в глаза честным людям?

Генри: О, леди Мария, если человек пошёл в актёры, считай, он в лапах у самого дьявола.

Мария: Вы произносите страшные слова.

Генри: Я знаю вашу историю. Это потрясающе! Ваша жизнь прямо просится на подмости.

Мария: Что?

Генри: Да, я бы создал о вас великую пьесу с грандиозным финалом, и безо всяких ворованных сюжетов.

Мария: О, друг мой... Нет ничего скучнее, чем моё нынешнее существование.

Генри: А ваши мужья? Выжил-то только третий, насколько понимаю, и то он в бегах! А потерянное королевство, а задушенный и взорванный второй супруг? А заговор шотландских лордов?

Мария: Замолчите. С ошибками и грехами, но это моя жизнь, а не сюжет для ярмарочного балагана.

Генри: Леди, простите меня.

Мария: Вы напоминаете мне моего Генри.

Генри: Кого?

Мария: Моего второго мужа, Генри Дарнлея, как раз того, которого задушили и взорвали. У него были такие же тонкие ноги. Как ваше имя?

Генри: Генри, дорогая леди. Генри Маргаритка.

Мария: Странное имя для мужчины.

Генри: Мы актёры, ваше величество, у нас встречаются имена и похлеще. Бартоломью Толстая Крыса, например, или Бен Дырявая Корма, а то вот ещё был Бобби Шлюха, но он переехал к своей бабушке в Кент. Я не то хотел... Скажите мне, о чём вы мечтаете, моя королева?

Мария: Я мечтаю умереть достойно.

Генри: Это не мечты, а планы, не путайте. Чего бы вам хотелось? Ваша душа чего-нибудь просит?

Мария: Я бы хотела иметь возможность идти по дороге. Просто идти по дороге и отдыхать под деревьями, когда захочется. Пусть бы меня мочил дождик, пусть бы платье моё превратилось в рубище, пусть бы мне пришлось просить милостыню. Но только чтоб я могла заходить в лес или брести вдоль реки, ни у кого не спрашивая дозволения. Меня много лет окружают тюремные стены, это тяжело, мой мальчик. Королева Елизавета пытается сделать вид, что это не тюрьма, а крепость, где я могу быть в безопасности. Безопасность, ха-ха! Чего ещё ждать от этой лицемерки? О, я бы поговорила с ней! Если я не могу смягчить её сердце своими жалобами, я бы нашла слова, чтобы обличить её жестокость и ложь!

Генри: В театре это возможно.

Мария: Что возможно?

Генри: Достаточно лишь вообразить. Взгляните на эту достойную леди. Говорят, наша королева рыжеволосая. Разве эти кудри недостаточно рыжие? Разве эта спина недостаточно прямая, а взгляд недостаточно горд? Вообразите себе, что королева

Елизавета перед вами. Она здесь, она готова выслушать вас. (Рыжей Бесс) Ну же, подыграйте нам.

Рыжая Бесс: Дорогая сестра...

Мария: Всё верно, у нас была переписка, именно так она меня и называла!

Рыжая Бесс: Вы неоднократно изъявляли горячее желание встретиться с нами. И хотя наши дни полны заботами о королевстве и подданных, мы посчитали возможным уделить вам время. Говорите.

Мария: О да, я скажу. Вы называете меня сестрой, ваше величество, и при этом обращаетесь со мной так, как не всякий человек обращался бы со своей собакой. Меня, особу королевской крови, в вашей стране, куда я прибыла просить защиты, обвинили в ужасных преступлениях, затолкали в каменный мешок и держат здесь, не слушая мои многолетние мольбы и призывы правителей других стран. Я требую освободить меня!

Рыжая Бесс: Вы сами понимаете, что мы распорядились поместить вас в укрепленном замке для вашего же блага. В своём государстве вы навлекли на себя подозрения в убийстве вашего собственного супруга. Подозрения с годами усилились, а доказательств вашей невиновности так и не появилось.

Мария: Доказательства? Вот это мило! Откуда же возьмутся доказательства, если я сижу под надзором то в одном замке, то в другом? Этот ваш гнусный Шрусбери позволяет себе бесконечные издевательства надо мной!

Рыжая Бесс: Вот уж не надо поливать грязью моего лучшего подданного, добросовестного и терпеливого. Ангельски терпеливого!

Мария: Да я этого ангела не помню, когда трезвым видела в последний раз! Вечно надерётся и ревёт как бык. Видеть не могу его гнусную рожу!

Рыжая Бесс: Что? Рожу? Да тут кое-кто другой имеет рожу похлеще всяких рож! И я когда-нибудь, вот обещаю, вцеплюсь в неё ногтями!

Мария: Я бы тоже с удовольствием съездила кое-кому по физиономии!

Рыжая Бесс: Ну, держись, сестрица!

Мария и Рыжая Бесс дерутся.

Генри: Дамы... Леди... Ох, что я наделал!

Мария: Сейчас я сломаю этот длинный нос!

Рыжая Бесс: Сначала я укушу этот жирный бок!

Генри: Прошу вас, прошу вас, леди... Ай! Ай! Бедная моя голова!

Рыжая Бесс: Зачем же ты сунулся между нами, малыш?

Мария: Ну вот, у него, кажется, кровь носом пошла.

Генри: Что? Кровь?

Рыжая Бесс: Сядь спокойно.

Мария: Возьми мой платок.

Рыжая Бесс: Неплохо размялись, не правда ли, мадам?

Мария: Да, пожалуй.

Рыжая Бесс: У вас хорошо поставлен удар.

Мария: С вами тоже приятно иметь дело, моя милая. Я готова поверить, что моя сестрица не такая уж дрянь.

Рыжая Бесс: Я уверена, что её величество после личной встречи полностью изменит своё мнение о шотландской пленнице.

Мария(Генри): Молодой человек! Как вас?

Генри: Генри, миледи. Меня звать Генри, точь-в-точь как вашего второго супруга. Которого задушили.

Мария: Ах, ну да. Знаете, Генри, возможно, театр – не самая скверная штука. Я, пожалуй, не против посмотреть какое-нибудь представление.

Генри: О, мадам, я заверяю вас, что это представление будет в высшей степени достойным и благочестивым!

Мария: Только не переборщите с благочестием.

Генри: Я понял вас, королева! Я понял вас!

Действие 4.

Зал в замке. Генри Маргаритка, Лоханка Сэм, Бартоломью Толстая Крыса, Бен Дырявая Корма, Джонни Гульффик.

Бен Дырявая Корма: «Добродетельный распутник»! Мы должны сыграть «Добродетельного распутника»!

Джонни Гульффик: Ваш «Распутник» продержался половину сезона.

Бартоломью: Я стою за «Искушение благочестивой Какофорны».

Лоханка Сэм: Что? Зудеть три часа и потом ещё два часа зудеть? Пять актов невообразимой чуши!

Джонни Гульффик: Как насчёт «Элевантины, трагической повести о разрубленной на части беглой принцессе и её коварной сестре»?

Бартоломью: О, я в своё время был хорош там в роли Зигмундофеля.

О ты, моя любовь,

Сестра любви моей,

О, как наказан я

За верности неверность...

Генри: То-есть, мы что же, не будем использовать нашу адскую пасть?

Лоханка Сэм: Без адской пасти нельзя, это половина успеха.

Бен Дырявая Корма: В «Элевантине» туда некого отправлять, одну принцессу режут на части за сценой, другая бросается в море со скалы, а мужики все остаются живы.

Бартоломью: Я могу в финале устремиться в адскую пасть.

Джонни Гульффик: Ты застрянешь, Бартоломью.

Бартоломью: В конце концов, она может просто стоять на сцене, как напоминание.

Лоханка Сэм: Напоминание о чём? О том, что с годами ты перестал проходить в дверной проём?

Бартоломью: Можно сыграть «Историю Клеопатры, царицы Египетской». Я могу быть Клеопатрой. У меня пока ещё достаточно нежная кожа.

Бен Дырявая Корма: Да у тебя и сиськи любой бабе на зависть.

Входит Шрусбери.

Шрусбери: Ну, молодцы, как продвигается дело? Репетиция полным ходом?

Генри: У нас почти всё готово, сэр.

Шрусбери (разглядывает адскую пасть): Какая красота.

Бен Дырявая Корма: Настоящая роскошь! А вечером, если её подсветить огнями, впечатление совершенно непередаваемое.

Шрусбери: И вы, значит, кого угодно можете изобразить?

Джонни Гульффик: Для артиста нет слова «невозможно», сэр.

Лоханка Сэм: Александр Македонский, Генрих Четвёртый, Генрих под любым номером. Да мы и вас можем показать, сэр.

Шрусбери: Меня? Разве во мне есть что-то выдающееся?

Джонни Гульффик (прохаживается): Вот ваша походка, сэр. Вы немного приволакиваете ногу. Благородная хромота! «Эй, Бесс, устрой этих молодцев получше, чтоб знали гостеприимство старого Шрусбери!»

Шрусбери: Это я?

Генри: Вылитый, вылитый!

Бартоломью Толстая Крыса: «Сэр, я надеюсь, эти достойные джентльмены не станут в пять утра вопить песни под моими окнами? Обыкновенно я молюсь в это время».

Шрусбери: Захлебнуться мне уэльским пойлом, да вас бы с ней родная мать не различила! Только молитвенника в руках не хватает. Ну, а что, достойные джентльмены, могли бы вы сыграть героев, стремящихся освободить несчастную пленницу?

Лоханка Сэм: Вы изволите говорить о пьесе «Суррей, благородный разбойник»?

Шрусбери: Нет, ребята, тут другой разговор. Вы не дураки, видите, что мы с леди Марией слегка друг друга недолюбливаем. Но мне жаль её, искренне жаль.

Бартоломью: Ещё бы! Я как-то сидел в тюрьме пять месяцев за воровство половины говяжьей туши, чуть с ума не сошёл.

Бен Дырявая Корма: Торчать взаперти не сладко.

Шрусбери: Я знал, что вы будете на моей стороне. Я хочу устроить леди Мери побег.

Лоханка Сэм: Но мы-то как можем вам помочь, сэр?

Шрусбери: Мне подумалось, что побег можно организовать во время представления. Мало ли, загорелись декорации, поднялась суматоха, и бедная леди Мария сгнула в огне, такое горе. Мы предъявим коронеру опалённые лоскуты её платья и чьи-нибудь кости, а сама шотландская пленница в этот момент будет прятаться в лесной хижине или нестись на корабле далеко, далеко, подальше от меня и от Англии. Подумайте, друзья, разве это не безопасный и благородный план?

Бен Дырявая Корма: План хорош, спору нет. Но, если не ошибаюсь, вы собираетесь пожертвовать для него нашей адской пастью?

Шрусбери: Если понадобится, и своим домом, заметьте. Пожар есть пожар.

Джонни Гульффик: Другой такой пасты не сыщешь во всем королевстве.

Шрусбери: Я берусь добыть для вас другую, не хуже.

Бартоломью Толстая Крыса: Она обязательно должна быть покрыта резьбой и позолотой.

Шрусбери: Идёт.

Лоханка Сэм: Нет, постойте-ка. После такого происшествия нас на всех углах славить начнут, дескать, представление было таким скверным, что леди Мери предпочла сгореть в огне, лишь бы не смотреть его до конца. Я так скажу, сэр. Мне эта затея не нравится. Вы нас позвали, чтобы мы сыграли спектакль, и мы сыграем в лучшем виде, можете быть спокойны. Но побег шотландской пленницы – нет уж, увольте нас, бедных актёров, нам дороги наши головы.

Шрусбери: По крайней мере, её величество королева Елизавета может быть уверена в вашей преданности. Прошу, друзья, в соседней комнате для вас накрыт превосходный обед.

Шрусбери уходит.

Джонни Гульффик (Генри): Во что ты опять нас втравил, чучело?

Бартоломью Толстая Крыса: От тебя одни беды, Генри.

Генри: Коллеги, верите ли, я ни сном, ни духом...

Лоханка Сэм: Ладно вам, отвяжитесь от парня. По крайней мере, сегодня у нас есть крыша над головой, кружка пива и кусок пирога. Завтра сыграем спектакль, ноги в руки, и только нас и видели.

Бен Дырявая Корма: Выше нос, Генри Маргаритка, пойдём выпивать и закусывать.

Генри: Что-то у меня живот скрутило. Я позже приду.

Бен Дырявая Корма: Это от переживаний. Гони их прочь, Генри, и догоняй нас.

Джонни Гульффик, Бартоломью Толстая Крыса, Бен Дырявая Корма и Лоханка Сэм выходят.

Генри: Ах, что я за несчастный человек! За что ни возьмусь, всё идёт прахом.

Входит Рыжая Бесс.

Рыжая Бесс: Кто это так тяжело вздыхает? Генри, тебе, в твоём новом одеянии, меланхолия очень к лицу.

Генри: Вы так думаете, миледи?

Рыжая Бесс: Ты похож на благородного принца.

Генри: Вы очень добры.

Рыжая Бесс: Я бы даже позволила тебе поцеловать мою руку.

Генри: Нет мне в жизни счастья, леди. Вот сейчас, кажется, я опять навлѣк на себя гнев вашего супруга.

Рыжая Бесс: Что же ты натворил?

Генри: Он обратился к нам, актёрам, с просьбой, а мои товарищи отказались её выполнять.

Рыжая Бесс: Могу я узнать, какова эта просьба?

Генри: Ох, леди, боюсь, что нет.

Рыжая Бесс: Что ты наделал, Генри, теперь я буду теряться в догадках. Не стыдно ли тебе так мучить меня?

Генри: Честное слово, никак невозможно сказать!

Рыжая Бесс: А если я тебя обниму?

Генри: Боюсь, не поможет.

Рыжая Бесс: А если я тебя поцелую?

Генри: Вы сделаете только хуже, леди.

Рыжая Бесс: Ну, что ты, как деревянный. Я не укушу.

Генри: О, леди...

Рыжая Бесс: Строптивым юношам приходится расплачиваться за свою скрытность.

Генри: Если войдёт сэръ Шрусбери!

Рыжая Бесс: Я начинаю понимать, почему тебя зовут Генри Маргаритка.

Генри: И в своих догадках вы можете пойти гораздо дальше, леди. Ох, я не в том смысле, чтоб шли бы вы куда подальше со своими догадками! Я совсем не хотел оскорбить вас, леди Елизавета. Я, скорее, в смысле особенностей природы, которые не позволяют... Есть склонности, которыми нас наделяют помимо нашей воли, тут уж ничего не поделаешь, и мне очень жаль, в том смысле, что вы очень добры ко мне, леди, и последнее, чего бы мне хотелось, это разочаровать вас, но...

Рыжая Бесс: Хватит мямлить, я поняла тебя, Генри. Ну что ж, одно признание взамен другого. По крайней мере, я не внакладе. Иди обедать, мальчик мой. Поторопись, твои дружки уничтожают еду, как саранча.

Рыжая Бесс уходит.

Генри: Несчастный я человек.

Входит Шрусбери.

Генри: Ох, сэръ!

Шрусбери: Я в самом деле такое чудище, что при виде меня нужно подскакивать и валиться с ног?

Генри: У актёров довольно тонкое душевное устройство, сэр. Наши нервы должны быть всегда готовы, так сказать, к моментальному воспламенению.

Шрусбери: Эти твои ребята с тонким душевным устройством сейчас валяются на лавках и рыгают после сытного обеда. К воспламенению они будут способны, только если спяну в камин упадут.

Генри: Вы не в духе, сэр Шрусбери?

Шрусбери: Последний раз я был в духе тринадцать месяцев назад, когда леди Мария малость приболела. Доктор уверял, что она скоро покинет наш грешный мир. Надула и меня, и доктора, конечно, - на следующий день была здоровёхонька.

Генри: Я не верю в вашу жестокость, сэр. Вся округа только и твердит, что вы добрейшей души человек.

Шрусбери: Я очень добрый и терпеливый, это правда. Иначе давно бы придушил эту стерву голыми руками.

Генри: Вы шутите.

Шрусбери: Какие уж тут шутки. На своей тюремной должности я заработал себе нервное истощение, подагру, расстройство желудка и, возможно, в некоторой степени алкоголизм. Ты знаешь, что такое подагра? Маленькие чертенята с раскалёнными щипцами выкручивают тебе суставы, и это может продолжаться неделями. Не помогает ничего! Вой, катайся по земле.

Генри: О, бедный сэр.

Шрусбери: По секрету: даже к подагре можно привыкнуть. Но меня удручает одна мысль, дорогой ты мой Генри Маргаритка, и эта мысль грызёт мои внутренности похлеще любых болячек. Убивает меня эта мысль.

Генри: Что же это за мысль, сэр Шрусбери?

Шрусбери: Я живу рядом с обречённой. Ты понимаешь меня? Она ходит, ест, пьёт, говорит гадости моей жене, утром смотрит на птиц, молится, но её, считай, нет. Рано или поздно приказ будет отдан. Острый меч рассечёт кожу, перерубит шейные позвонки, - хорошо, если с первого удара...

Генри: Ох, не продолжайте, сэр!

Шрусбери: У меня в ушах постоянно этот хруст и звон стали.

Генри: Неужели нельзя избежать этого?

Шрусбери: Я много думал, прикидывал так и эдак. Есть возможность избежать. Я ведь уже говорил о побеге.

Генри: Но тогда вы пострадаете от гнева Её Величества.

Шрусбери: Генри, для актёра у тебя слишком скудное воображение. Представь, старый Шрусбери кидается в бой с похитителями, получает жестокие раны, на смертном одре он вымаливает монаршее прощение и чудом выздоравливает. Одно слово королевы Елизаветы поднимает его с постели. А шотландская пленница, сгинув в суматохе, тихо кормит канареек где-нибудь в испанском монастыре или под крылышком у его святейшества папы.

Генри: Вы думаете, она способна вести себя тихо?

Шрусбери: Жизнь любого ломает. Она хочет жить и боится смерти. Сколько ни тереби молитвенник в руках, помирать страшно.

Генри: Мне так неловко, что мои товарищи отказались вам помочь, сэр.

Шрусбери: У них есть голова на плечах, только и всего. Желающих спасти королеву хватает и без твоих пьяниц, откровенно говоря. Вся штука в том, что добрая половина этих людей сумасшедшие или провокаторы. Тут поди смекни, с кем можно иметь дело, а с кем не стоит. Ошибка обойдётся слишком дорого.

Генри: Мне рассказывали, что леди Мария обладает магическим действием на мужчин.

Шрусбери: Ты к чему это, обормот?

Генри: Вы, суровый тюремщик, только и думаете о том, как спасти свою пленницу. Какой чудный сюжет для пьесы.

Шрусбери: Я хорошо отношусь к тебе, Генри, но ты рискуешь всё испортить. Чтобы я не слышал больше таких намёков! Я надеялся, что ты сможешь меня выручить, отблагодарить за добро, которое я для тебя сделал... Ты сам виноват, Шрусбери. Нужно было помнить, что перед тобой актёр. Актёр всё мечтает превратить в пьесу, да чтоб в его роли там было слов побольше. И актёр никогда не помнит добра. Оно не умещается в его памяти, там всё забито текстами трагедий.

Генри: О, добрый сэр! Вот уже вторые сутки у меня и у моих товарищей есть кров и пропитание, и поверьте, я не устаю благодарить Бога за то, что он послал нам рыцаря Шрусбери. Если есть хоть какой-то способ отблагодарить вас, я готов.

Шрусбери: Не знаю, Генри, не знаю. Можно ли доверить тебе тайну?

Генри: Конечно, сэр!

Шрусбери: Сюда идут твои дружки. Позже, Генри.

Входят Бартоломью Толстая Крыса, Джонни Гульффик, Лоханка Сэм, Бен Дырявая Корма.

Лоханка Сэм: Роскошный пир.

Бартоломью Толстая Крыса: Да, славно поели.

Все актёры: Да здравствует добрый Шрусбери!

Шрусбери: Спасибо, друзья. Не буду вам мешать. Завтра представление, у вас много работы.

Шрусбери уходит.

Лоханка Сэм: Генри, мы принесли тебе пирог, поешь. Этот Шрусбери, похоже, тебя насмерть заговорил.

Генри: Я не ожидал, что он настолько благороден, откровенно говоря.

Джонни Гульфик: О чём с тобой беседовал этот тип?

Генри: Да так, немного пожаловался на жизнь.

Бартоломью Толстая Крыса: А мы уж решили, что Шрусбери опять уговаривает тебя впрячься за ту шотландскую бабу.

Бен Дырявая Корма: Это уж дудки. Не хватало ещё соваться в политику.

Джонни Гульфик: Ни за что! Костей потом не соберёшь.

Бен Дырявая Корма: Моду взяли, убивают мужей направо и налево, а потом строят из себя эдаких овечек.

Бартоломью Толстая Крыса: Да её надо было без лишних разговоров сразу порешить где-нибудь по-тихому.

Генри: Неужели вам её ни чуточки не жаль?

Лоханка Сэм: Очень жаль, друг мой Генри. Но своя шкура дороже, согласишься. Или тебя греет мысль быть вздёрнутым на виселице во славу тридцатилетней коронованной шлюхи?

Входит Мария Шотландская.

Мария: Здравствуйте, друзья мои. Не смущайтесь. Прошу прощения, если невольно помешала вам. Это всё моё любопытство. Шрусбери сообщил мне, что спектакль будет сыгран уже завтра. Я не утерпела, уж очень мне захотелось взглянуть на то, как репетируют актёры труппы лорда адмирала.

Бен Дырявая Корма: И лорда камергера, благородная леди.

Мария: Объединённая труппа? Что-то новенькое.

Лоханка Сэм: В нынешних условиях довольно популярная тема, мадам. Объединяют, знаете ли. Я слышал, детскую труппу недавно слили со зверинцем, где проходят

медвежьи бои, а танцоров и циркачей присовокупили, извините за выражение, к одной христианской общине, они славятся благочестивыми мистериями. Очень обогащает репертуар.

Мария: Непростые времена. Трудно вам приходится?

Лоханка Сэм: Ой, мадам, кому сейчас легко?

Мария: Вы правы.

Бен Дырявая Корма: Лоханка Сэм, прекрати своё унылое нытьё. Леди, не слушайте его. Актёрам лишь бы жаловаться на свою невыносимую жизнь. Что ты наделал, грязная ты скотина? Как ты мог допустить, чтобы эти прекрасные глаза затуманила печаль?

Мария: Благодарю вас, добрый сэр.

Джонни Гульффик: Мадам, мадам! Улыбнитесь и мне тоже, я сберегу вашу улыбку у самого сердца, словно нежный цветок, подаренный любимой девушкой.

Бартоломью Толстая Крыса: Таким нахалам всегда счастье. Леди, мне вы можете не улыбаться, только посмотрите в мою сторону. Я буду счастлив лишь от одного вашего взгляда.

Бен Дырявая Корма: О, это совсем как в той песенке, помните? Как же там? Нет на свете милей милой Мери моей, тра-та-та, тра-та-та, и улыбки...

Генри: Леди Мария, вы плачете?

Мария: Разве? О милые, простодушные, искренние друзья... Я слишком давно не видела такого доброго отношения к себе. Надо мной насмеваются, меня обвиняют, мне строго выговаривают за любую оплошность, и так изо дня в день много лет подряд. Моему сыну было полгода, когда я видела его в последний раз, а теперь это юноша. Каков он собой? Что любит? Как улыбается? На этом свете нет ни единой души, которой я была бы необходима. А что впереди? Свобода? Наверяд ли.

Бартоломью Толстая Крыса: О, если бы я только мог! Я бы похитил вас, посадил на самого быстрого коня и увёз бы к морю.

Бен Дырявая Корма: А я бы отбил вас у целого отряда.

Джонни Гульффик: Я бы вернул вам престол. Два престола. Нет, три!

Мария: Друзья мои, я не хочу, лучше сыграйте завтра такой спектакль, чтобы можно было забыть все горести.

Джонни Гульффик: О, значит, «Элевантина» не подойдёт.

Мария: Что это такое?

Бартоломью Толстая Крыса: Это трагическая история. Благочестивую принцессу разрубили топором, потому что другая принцесса, родная сестра Элевантины, оклеветала её.

Мария: Только не это.

Бен Дырявая Корма: Я говорил, что не подойдёт!

Лоханка Сэм: Умолкни же, тоскливый голос Драмы! Трагедия, подбери свой пыльный плащ и сядь в уголке. На сцену выступает славная Комедия. Да здравствуют улыбки и громовые раскаты хохота. Долой печаль! Что бы вы желали увидеть, мадам? Весёлую неразбериху благородных влюблённых или происки хитрого пьяницы? Мы можем представить «Приключения неисправной калитки», «Украденную честь» или «Фальшивую возлюбленную».

Генри: Значит, играем без адской пасти?

Бен Дырявая Корма: Мы её перевернём, там на обратной стороне нарисован лужок.

Мария: Сыграйте всё, что вам заблагорассудится. Я с нетерпением буду ждать завтрашнего спектакля. Ну, господа, желаю оставаться в добром здравии. Генри, проводите меня.

Бартоломью Толстая Крыса, Джонни Гульффик, Лоханка Сэм и Бен Дырявая Корма быстро выходят.

Генри: Что угодно вашему пленному величеству?

Мария: С одной стороны, я хочу слишком многого, с другой стороны – это ведь сущий пустяк. Вы позволите опереться на вашу руку?

Генри: Мадам!

Мария: Благодарю вас, Генри. Надеюсь, что мой возраст и сан, вкупе с унижительным положением, в котором я нахожусь уже много лет, не дадут вам повода увидеть в моём поведении что-то предосудительное? В моей жизни не так много радостей, а вы так молоды и так мило выглядите в этом костюме.

Генри: У вас тоже очень симпатичное платьице.

Мария: Ах, мужчины, мужчины... Это настоящий дамаст, мой мальчик, очень дорогая ткань, и двусторонняя, видите? Посмотрите, как она играет на свету. Такое платье словно создано, чтобы танцевать в нем куранту или вольту.

Генри: Осторожнее, вы чуть не упали, леди Мария.

Мария: Наступила на подол. Так мне и надо. Леди Мария своё уже отплясала.

Генри: Леди, если бы я мог, то держал бы вас за руки до конца дней.

Мария: Держите меня, Генри. Держите, потому что я чувствую, что падаю в пропасть. Уйдите, прошу вас.

Генри: Леди, держать или уходить?

Мария: Бегите, бегите сейчас же, глупый мальчик!

Генри убегает.

Мария: Несчастливая дура. Господи, сжался надо мной! Когда же конец?

Мария уходит. Входит Рыжая Бесс, она подслушивала.

Рыжая Бесс: Очень интересно. Очень интересно. Кому же из нас ты солгал, милый Генри?

Действие 5.

Ночь. Двор замка Уингфилд. Под балконом комнаты Марии.

Генри Маргаритка, Бен Дырявая Корма, Лоханка Сэм, Джонни Гульффик, Бартоломью Толстая Крыса.

Генри: Разбирайте факелы. Лучше всего бегать вон там, в небольшом лесочке. Да не держитесь кучей.

Бартоломью Толстая Крыса: Почему я должен среди ночи скакать по лесу?

Генри: Это просьба лорда Шрусбери.

Лоханка Сэм: А он затейник, наш лорд.

Бен Дырявая Корма: Нам отдельно заплатили за эту ночную пробежку, так что, думаю, можно простить лорду его маленькие странности.

Бартоломью Толстая Крыса: Хотелось бы более отчётливо понять задачу. Мы безмолвные болотные огоньки? Или цепочка слепых пилигримов? Возможно, мы эльфы с Волшебного холма?

Джонни Гульффик: Толстая Крыса, тебе сказали за три часа до рассвета взять в руки факел, пойти в лес и немного побродить среди деревьев, дали денег, что тебе ещё нужно?

Бартоломью Толстая крыса: Мне необходимо понять характер моих перемещений. Должен ли я порхать, либо плавно кружить между стволами, или грациозными скачками перемещаться вокруг кустов?

Бен Дырявая Корма: Кружись, порхай, перемещайся, только не ори. Сказано же, делать всё тихо.

Генри: Прошу вас, прошу вас, идите в лес. Время, господа!

Актёры уходят. Остаются Генри Маргаритка и Лоханка Сэм.

Лоханка Сэм: Ну-ка, признавайся, Генри, ты всё-таки во что-то влип?

Генри: С чего ты взял, Лоханка Сэм?

Лоханка Сэм: Толстая Крыса прав. Задача-то неясна. С чего это лорду вдруг понадобилось, чтобы мы, вместо того чтобы дрыхнуть, рыскали по лесу?

Генри: Я тебе признаюсь, Сэм, только не говори никому. Рыжая Бесс очень суеверна. Она считает блуждающие огни плохой приметой и, если видит их, целый день потом тиха, как ягнёнок. Последнее время она пилит супруга, не переставая, а огней, как назло, всё не видать и не видать. Лорду просто нужно немного покоя. Вот он и попросил нас побыть такими огнями.

Лоханка Сэм: Показал бы лорд Шрусбери своей бабёнке фейерверк раз-другой, и не нужно было бы никаких блуждающих огней.

Генри: Какой фейерверк?

Лоханка Сэм: Ладно, Маргаритка, пойду догонять своих. Только знай, ты меня не убедил.

Лоханка Сэм уходит.

Генри: Лорд Шрусбери, вы здесь?

Шрусбери выходит из укрытия.

Шрусбери: Я думал, они никогда не уйдут, болтливые олухи. Значит, так, Генри, делай, что хочешь, выкручивайся, как знаешь, но добейся от неё письма. Прости, что приходится тебя подгонять, но ждать уже нет времени. Мои товарищи должны получить от леди Марии воодушевляющий ответ.

Генри: Я понял, сэр.

Шрусбери: Прекрасно. Вот балкон. Вот стена. Вот плющ. Лезь, пожалуйста, да поскорее.

Генри: Как высоко!

Шрусбери: Ну да, обычная виселица и то ниже. Вперёд.

Шрусбери прячется. Генри Маргаритка с трудом забирается на балкон.

Генри: Леди Мария! Леди Мария!

На балконе появляется Мария.

Мария: Кто здесь? Ну же, отвечайте.

Генри: Леди Мария, это я.

Мария: Кто это?

Генри: Я, Генри.

Мария: Где вы?

Генри: Я слегка застрял. Ой!

Мария: Что с вами?

Генри: Кажется, немного оступился. Тут не только плющ, ещё какие-то колючки.

Мария: Генри, я вам чуть на руку не наступила! Забирайтесь сюда, ну же.

Генри: Леди Мария, вы очень добры.

Мария: А вы несчастный маленький дурачок. Как вас угораздило забраться на мой балкон?

Генри: Обстоятельства чрезвычайной важности.

Мария: Что за обстоятельства?

Генри: Лорд Шрусбери получил секретное указание от Её Величества. Ему приказано в ближайшее время изыскать предлог, чтобы обвинить вас в государственной измене. За этим последует скорейший суд и, сами понимаете...

Мария: Не понимаю. Она рехнулась, моя сестрица? Она хочет публичного процесса над коронованной особой?

Генри: Она хочет избавиться от вас, потому что воспряли приспешники.

Мария: Что? Какие приспешники?

Генри: Не приспешники, соучастники.

Мария: Генри, что вы несёте?

Генри: Я не могу вспомнить слово. Я волнуюсь и забыл, как это называется.

Мария: Ничего не понимаю.

Генри: Леди, вы ведь в последнее время получали таинственные письма?

Мария: Какие ещё письма? О чём вы, мой мальчик?

Генри: Бочонок, в котором на кухню доставляют пиво для слуг, а в бочонке фляжка, и во фляжке письмо. Точнее, письма.

Мария: Убирайтесь вон.

Генри: Умоляю, не гоните меня, королева!

Мария: Маленькая змея, знать тебя не хочу.

Генри: Клянусь всем самым дорогим, что у меня есть, я не желаю вам зла! Я хочу спасти вас, моя королева.

Мария: Вы? Меня?

Генри: Посмотрите туда. Видите огни? Видите или нет?

Мария: Я не уверена. Последние годы зрение подводит.

Генри: Они уже на подступах к замку. Всё готово и здесь, и в столице. Ваши друзья во Франции и в Испании вас не покинули.

Мария: О, моя Франция... Я знала!

Генри: Одно ваше слово, и они начнут действовать.

Мария: Я боялась отвечать на эти письма. Меня ведь в любой момент могут поймать за руку.

Генри: вспомните, что я вам только что сказал. Вас не собираются ловить за руку. Вас собираются оклеветать и казнить в самом скором времени.

Мария: Какая низость. Но откуда вам известно, что сестра написала Шрусбери?

Генри: Он сам мне рассказал.

Мария: В таком случае, мальчик, идите и ложитесь спать.

Генри: Вы не верите.

Мария: Вас это удивляет?

Генри: Поверьте, королева, его суровость и грубость... Всё это напускное, всё это от отчаяния. Шрусбери только и думает об ужасной опасности, которая с каждым часом всё ближе. Мне даже кажется, что он... Что он влюблён в вас. Не смейтесь!

Мария: Придирки, издевательства и лишения, о да. Именно так и ведут себя влюблённые.

Генри: Что ему ещё остаётся? Он не должен вызывать подозрений, только тогда лорд Шрусбери имеет хоть какой-то шанс помочь вам.

Мария: Я слишком давно знаю лорда Шрусбери, Генри. Идите.

Генри: Нет, не уйду. Я не могу.

Мария: Тогда уйду я.

Мария уходит.

Генри лезет вниз.

Генри (шёпотом): Лорд Шрусбери, лорд Шрусбери! А леди Мария ушла.

Шрусбери: Я тебе сказал, как хочешь, так и выкручивайся, болван. Из-за тебя ей отрубят голову.

Генри: Я не знаю, что придумать.

Шрусбери: Подпусти романтики, пусть баба растает.

Генри: Я не умею.

Шрусбери: Я сейчас тебе все рёбра переломаю.

Генри: Я понял, я понял, сейчас, сэр Джордж, сейчас!

Шрусбери: Зачем я связался с этим идиотом?

Генри карабкается на балкон.

Генри: Леди Мария, леди Мария!

На балкон выходит Мария.

Мария: Генри, вы хотите, чтобы я вызвала охрану? Я здесь, на секундочку, в заточении, а вы торчите на моём балконе, словно... Словно у вас какие-то непристойные намерения. Признавайтесь, зачем вы сюда забрались.

Генри: Я не мог поступить иначе.

Мария: Ну-ка, посмотрите мне в глаза.

Генри: О, леди...

Мария: Что с вами, друг мой?

Генри: Леди, мне сейчас пришло в голову, что все мы смертны.

Мария: Похвальная сообразительность.

Генри: Все мы смертны, леди, и всё проходит, буквально всё, оставив лишь след в нашем бедном человеческом сердце, а потом и мы исчезнем с лица земли, унеся с собой навеки чудо этого мига, и дыхание ветерка, предвестника рассвета, и сырость росы, и ароматы трав... Вы стоите на балконе, локон выбился из-под вашего чепца и сияет нежным золотом. А вот теперь вы улыбнулись, и глаза ваши в предутреннем сумраке вдруг заблестели, словно тёмное вино в хрустале.

Мария: Осторожно, осторожно.

Генри: Вы говорите мне об осторожности? Вы, за которой смерть ходит по пятам?

Мария: Это жестоко, Генри.

Генри: Да, жестоко, но и вы жестоки со мной.

Мария: Почему вы так говорите?

Генри: И со мной, и с лордом Шрусбери, и с тысячами людей, которые желают только одного – чтоб вы жили, чтоб вы не покидали этот мир, который может быть таким прекрасным. Если вас не станет, если вас всё-таки казнят...

Мария: Если меня казнят, солнце на следующий день взойдёт точно так же, ничего не изменится, Генри.

Генри: Свершится чудовищная несправедливость.

Мария: Нет. Мария Шотландская наконец обретёт покой, только и всего.

Генри: А вы хотите этого покоя, леди?

Слышны отдалённые гиканье и свист.

Генри: Слышите? Они ничего не боятся, они хотят лишь одного – вашей свободы. Всё продумано, королева. Одно ваше слово, и толпы повстанцев овладеют Виндзорским замком. В этот же час вы будете освобождены и со всеми почестями доставлены в Лондон. Там состоится суд над преступной правительницей, поправшей законы Божеские и человеческие, а вас коронуют. Многолетнему заключению, унижениям, потоку несправедливых обвинений наступит конец.

Мария: Что я должна сделать?

Генри: Ответьте на письма из бочонка. Вы, конечно, уничтожали их?

Мария: Одно сохранила, самое последнее, даже не знаю, почему. Какое-то наитие. Подождите меня, Генри. Мне нужно несколько минут.

Мария уходит.

Генри: О, Генри... Наконец, ты хоть что-то стоящее совершил в своей жалкой жизни. Лорд Шрусбери, вы здесь? Не отвечает. Наверное, убежал помогать приспешникам. Ах, какая из этого выйдет пьеса! Роскошная. Зрители будут рыдать. И в момент, когда королева Шотландская обретёт свободу, в их душах что-то изменится, обязательно к лучшему. Нельзя допускать, чтобы один человек сажал другого в клетку! Они поймут это, я уверен. В мире станет больше добра, враг человеческий будет посрамлён. Вот что возможно сделать на театральных подмостках. Вот какова сила театрального искусства. Может, нас даже на регулярное жалованье поставят.

Выходит Мария с письмами, отдаёт их Генри.

Мария: Вот мой ответ. Генри, на карту поставлено всё, и моя честь, и моя жизнь.

Генри: Королева, прошу вас об одной только милости – позвольте мне поцеловать подол вашего платья!

Мария: Друг мой, я не знамя, я женщина.

Генри: Прекраснейшая из всех!

Генри спрыгивает с балкона.

Мария: Уймись, старая ты дура.

Мария уходит.

Генри: Ой, нога! Зачем я прыгнул?

Шрусбери: Наверное, решил, что крылья отросли. Давай письма.

Генри (отдаёт письма Шрусбери): Вот они. А я думал, сэ, что вы уже с приспешниками.

Шрусбери: Я с ними всей душой, не сомневайся. Иди заberi из леса своих товарищей и отправляйтесь спать. Сегодня у нас представление.

Генри: Да, сэ. Какая хорошая реплика, сэ.

Шрусбери: Бочонок вина вам за мой счёт.

Генри: Превосходная реплика, сэ!

Шрусбери уходит.

Генри: Что-то я ног под собой не чую. Нет, одну чую. Надеюсь, это просто ушиб. Отёк начинается. Одна нога отекала и болит, вторая трясётся. А ты, Генри, изволь тащиться в лес. Там, небось, всё мокрое от росы. И где мне ловить своих товарищей? Слава Создателю, вот и они!

Входят Джонни Гульфик, Бартоломью Толстая Крыса, Бен Дырявая Корма и Лоханка Сэм.

Бартоломью Толстая Крыса: Горячего вина и лежанку у огня, во имя Мельпомены!

Джонни Гульфик: Ну, Генри, мы тебе это припомним.

Бен Дырявая Корма: Молись, чтобы у меня от сырости не разыгрался ревматизм. Если меня перекосит на сцене во время спектакля, Генри, тебе не жить.

Лоханка Сэм: Я просто надеюсь, что у этой пытки был хоть какой-то смысл.

Генри: Мы спасали королеву, друзья!

Бен Дырявая Корма: Щенок ты паршивый.

Джонни Гульфик: Я уже не в том возрасте, чтобы шастать в темноте по кустам.

Бартоломью Толстая Крыса: Тогда нечего соваться на роли молодых красоток. Для сцены у него возраст подходящий, а для мокрых кустов уже нет, видите ли.

Генри: Сэр Джордж поставил нам бочонок вина.

Лоханка Сэм: Тогда не будем терять времени.

Бен Дырявая Корма: Что это? Тихо! Вы слышите?

Все прислушиваются.

Джонни Гульфик: Ворота открылись. И поскакал кто-то.

Бартоломью Толстая Крыса: Кого это, интересно, подбросило на рассвете?

Генри: Посланец из Уингфилда.

Бен Дырявая Корма: Таинственный всадник.

Бартоломью Толстая Крыса: Какой сюжет, какой сюжет!

Лоханка Сэм: Интересно, за каким лешим он скачет?

Генри: Он посланец милосердия, свободы и справедливости, друзья.

Лоханка Сэм: Этому не наливаем. Пошли, ребята!

Действие 6.

Зал в замке Уингфилд. После представления.

Мария Шотландская, Лоханка Сэм, Бен Дырявая Корма, Бартоломью Толстая Крыса, Генри
Мargarитка, Джонни Гульфик, Рыжая Бесс.

Мария Шотландская: Друзья мои, я вас обожаю! Это было великолепно. У меня лицо болит от смеха.

Рыжая Бесс: Вот вы, вы...

Бартоломью Толстая Крыса: Бартоломью, сударыня.

Рыжая Бесс: Как вы там сказали, в сцене, где у вас рот набит орехами, а переодетый доктор признаётся вам в любви?

Бартоломью: «Вот он идёт, мой добродетельный супруг!»

Лоханка Сэм: Он сказал «добротетельный»!

Джонни Гульфик: И в этот момент адская пасть всё-таки рухнула!

Бен Дырявая Корма: А за ней стоит Генри и чешет ляжку!

Бартоломью Толстая Крыса: Ещё и в носу ковыряется.

Генри Маргаритка: Я не ковырялся!

Рыжая Бесс: Ковырялся!

Мария Шотландская: Прекратите, я сейчас умру. До чего же это было смешно. Господи, прости меня!

Джонни Гульффик: А когда Генри должен был якобы заколоться кинжалом и промахнулся?

Мария Шотландская: Пощадите!

Лоханка Сэм: А где же славный лорд Шрусбери?

Бартоломью Толстая Крыса: Он что, не смотрел представление?

Рыжая Бесс: Смотрел, и остался очень доволен!

Генри Маргаритка: Где же он?

Входит Шрусбери.

Шрусбери: Ну что же, господа актёры, не желаете ли вы получить причитающееся вам жалованье?

Актёры: Да здравствует лорд Шрусбери!

Шрусбери (Лоханке Сэму): Это вам за хлопоты. Это за аренду декораций и костюмов.

Лоханка Сэм: Сэр, вы очень добры.

Шрусбери (раздаёт деньги): Вот ещё каждому из вас вознаграждение.

Бартоломью Толстая Крыса: Сэр Джордж, по театральным правилам за шумы и исполнение маленьких ролей тоже полагается небольшая доплата. Я первые двадцать минут скрипел калиткой, и делал это убедительно, мне кажется.

Генри Маргаритка: Бартоломью, как ты можешь!

Шрусбери: Он прав, мой мальчик. Держи четыре пенса, толстяк.

Бартоломью Толстая Крыса: Ура! Да здравствует лорд Шрусбери!

Джонни Гульффик: В таком случае, я отвечал за раскаты грома в финале.

Бен Дырявая Корма: А я был змеем-искусителем и висел на дереве.

Бартоломью Толстая Крыса: Совсем забыл, я ведь ещё был Червём сомнения и подтачивал нравственные устои героя.

Шрусбери: Что-то я не помню.

Бартоломью Толстая Крыса: Как? А мой выход в обтягивающем трико? Это и был Червь сомнения!

Шрусбери: Такая роль стоит не меньше шиллинга, приятель.

Актёры: Да здравствует лорд Шрусбери!

Шрусбери: Ну что же, теперь, когда все довольны, мне остаётся поблагодарить вас, господа актёры, и пожелать всего наилучшего. В соседней комнате для вас приготовлен бочонок вина, на чём и позвольте с вами распрощаться.

Лоханка Сэм: Да вознаградит вас Бог за вашу доброту, сэра, леди.

Актёры, кроме Генри Маргаритки, кланяются и выходят.

Генри: Простите, сэра... Но это и всё?

Шрусбери: Чего же тебе ещё, Генри Маргаритка?

Генри: Но... Как же ваш план? Наш план, сэра Джордж?

Шрусбери: Наш план – он великолепен.

Генри: И... И когда же он осуществится?

Шрусбери: Полагаю, что очень скоро.

Актёры возвращаются.

Лоханка Сэм: Лорд Шрусбери, в соседней комнате полным-полно стражи!

Джонни Гульффик: И посланец из Виндзорского замка!

Шрусбери: Я знаю, их впустили с моего ведома.

Бартоломью Толстая Крыса: Мы хотели забрать бочонок, но нам не позволили.

Бен Дырявая Корма (передаёт Шрусбери документы): Приказали передать вам эти бумаги.

Мария Шотландская: Моё письмо!

Шрусбери: Очень хорошо. Господа актёры, я вас больше не задерживаю. Бесс, милая, распорядись, чтобы их выпустили.

Генри Маргаритка: Одну минутку! Сэр Джордж, мы никуда не уйдём, пока не поймём, что здесь происходит.

Джонни Гульффик: Тебе интересно, так оставайся, болван, а нам дороги наши шкуры. Идём, Толстая Крыса.

Бартоломью Толстая Крыса: Да, пора. Леди Мария, для нас было огромной честью играть спектакль в вашем присутствии.

Джонни Гульффик: Молчи, идиот. Идём скорее. Бен, Сэм, вы с нами?

Лоханка Сэм: Сволочь ты, Маргаритка. Из-за тебя теперь пропадать. Идите, я останусь с этим придурком. Бен, иди, пока выпускают. Иди, у тебя жена и дети.

Бен Дырявая Корма: Не могу, чтоб вам всем провалиться.

Джонни Гульффик и Бартоломью Толстая Крыса уходят.

Мария Шотландская: Потрудитесь объяснить, что здесь происходит, лорд Шрусбери.

Шрусбери: Да тут и труда никакого нет, моя дорогая. Я уволен! Уволен! Ура! Вот письмо от самой королевы. Я освобождаюсь от должности, слышите? Бесс, мы едем на воды!

Мария Шотландская: За что же вас уволили?

Шрусбери: Я, как джентльмен, был слишком снисходителен к вам, леди! Вот, можете прочитать сами. О, её милосердное величество, на коленях я готов благодарить её. Вольная! После пятнадцати лет!

Генри Маргаритка: Что же будет с леди?

Шрусбери: Леди придётся переехать.

Генри Маргаритка: Куда?

Шрусбери: В замок Татбери.

Мария Шотландская: Опять? Я не могу там жить! Эта вечная сырость, темень, со стен капает, никакие гобелены не спасают от холода! Это не замок, а гроб!

Шрусбери: Отныне вашим хранителем назначается сэр Эмиас Паулетт.

Мария Шотландская: Он ненавидит меня, этот фанатик-пуританин.

Генри Маргаритка: Но сэр, вы ведь обещали...

Лоханка Сэм: Молчи, болван.

Мария Шотландская: Чем же вызваны все эти перемены?

Шрусбери: Мне бы не следовало с вами болтать об этом, леди. Фамилия Бабингтон вам знакома?

Мария Шотландская: О, нет! Бедный юноша...

Шрусбери: Вы правы, его участь незавидна. Но, с другой стороны, как не стыдно молодому человеку участвовать в заговоре, писать, понимаете ли, такие нехорошие

письма? Мол, десяток дворян и сотня подручных совершит набег и увезет Марию Шотландскую, ай-яй-яй. Этого мало, другие шестеро дворян, преданные делу католицизма, совершат в Лондоне покушение на узурпаторшу Елизавету. Это что такое? Что она себе позволяет, наша молодёжь?

Генри Маргаритка: Я глупец...

Шрусбери: Успокойся, юноша, ты послужил государству, и нечего распускать нюни. А вы, леди Мария? (читает письмо) «Пусть тех шестерых дворян пошлют на это дело и позаботятся, чтобы, как только оно будет сделано, меня отсюда вызволили»... Вот, писано вашею рукою не далее, как на рассвете нынешнего дня, свеженькое, едва чернила высохли.

Мария Шотландская: Я не хотела, я не знала...

Шрусбери: «Акт о личной безопасности её величества королевы», вам ведь знаком такой документ? Любой, кто примет участие в покушении на королеву, - словом ли, делом ли, поощрением ли преступных замыслов, умолчанием ли о преступных замыслах, - поступает в распоряжение палача. Кроме того, лица, обвиняемые в соучастии в заговоре, подлежат суду двадцати четырёх заседателей по назначению короны.

Генри Маргаритка: Лорд Шрусбери, пощадите.

Шрусбери: Кого? Тебе и твоим дружкам-алкоголикам ничего не угрожает. Иди и не греши, как говорится.

Генри Маргаритка: Леди Мария, поверьте, я ни сном, ни духом... Лорд Шрусбери был так убедителен.

Шрусбери: Прекращай этот балаган. Тут дела серьёзные.

Генри Маргаритка: Суд двадцати четырёх заседателей, палач... И всё это из-за одного письма, которое я убедил вас написать. Я был слеп и глух. Леди, я не подберу слов, я не знаю, как мне молить вас о прощении...

Шрусбери: Приятель, слов уже слишком много. Если ты сейчас не уйдёшь, я тебя арестую как соучастника.

Лоханка Сэм: Сэр Шрусбери, мы сию минуту уберёмся.

Бен Дырявая Корма: Ну же, Генри, перебирай ногами.

Генри Маргаритка: У меня сейчас разорвётся сердце.

Мария Шотландская: Милорд, оставьте юношу в покое. Он ещё слишком молод и не успел привыкнуть к тому, что подлость в этом мире имеет силу закона.

Шрусбери: Самое время сейчас читать мораль, леди.

Генри Маргаритка: Сэр, вы обманули меня! Вы прикинулись благородным человеком! Я вызываю вас на поединок, здесь и сейчас!

Шрусбери: Ты полагаешь, если на тебе бархатные штаны, сквозь которые не просвечивает задница, то ты тоже благородный? Не получается быть для всех хорошим, слышишь, мой мальчик? (Лоханке Сэму и Бену Дырявая Корма) Забирайте это отребье и вон отсюда.

Мария Шотландская: Минуту! Одну минуту, лорд Шрусбери!

Шрусбери: Что ещё?

Мария Шотландская: Я хочу попрощаться с Генри.

Шрусбери: Пожалуйста, леди. Не стесняйтесь, можете выцарапать ему глаза. Отведите, как говорится, душу напоследок.

Мария Шотландская: Генри, посмотри на меня. Прощай, Генри.

Генри Маргаритка: Леди, о, леди!

Мария Шотландская: Этот мир дал мне много страданий, и я рада, что скоро его покину. Не сокрушайся обо мне, я совершила много грехов, о которых сожалею теперь. У меня холодеют руки при мысли о помосте, на который нужно будет взойти, о плахе, на которую нужно будет положить голову. Я понятия не имею, как это делать правильно. И я очень боюсь боли. Мне всё время думается, что палач не попадёт в точное место с первого раза, а ведь моя шея уже далеко не так тонка, как в молодости. Но я буду молиться. И ещё я буду вспоминать. Я буду стараться вспоминать то хорошее, что было в моей жизни. Я обязательно буду вспоминать твой театр, милый Генри. Театр, который заставил меня хохотать и умиляться, плакать и верить. Театр, который дал мне надежду.

Генри Маргаритка: Надежду, леди?

Мария Шотландская: В моём случае, вероятно, это не совсем верное слово. Может быть, не надежду, а просто свет? Свет, который заставляет душу взлетать и радоваться?

Шрусбери: Мне начинает надоедать ваш филологический диспут. По-моему, вы просто тянете время.

Мария Шотландская: Ступайте, Генри. Да, и вот ещё что. Королева шотландская вас любила. Не правда ли, сюжет неплох?

Генри Маргаритка: Дайте мне вашу руку, леди. Помните, вы хотели шагать по траве? Это возможно. В театре даже это возможно. Закройте глаза. Вдохните поглубже. Чувствуете свежесть мокрого луга? Прохладный утренний воздух, о, какое это чудо, настоящий подарок Господа. А теперь сделайте шаг. Ещё. Ещё. Леди идёт. Леди идёт.

Генри Маргаритка проводит Марию Шотландскую через сцену и уводит в зал.

Генри Маргаритка: Леди уходит.

Шрусбери: Я глазам своим не верю. Они что, серьёзно?

Генри Маргаритка: Леди не обращает внимания. Леди уходит, не оборачиваясь.

Рыжая Бесс: Шрусбери, сделайте что-нибудь!

Шрусбери: Их, наверное, догадается задержать стража в коридоре. Ничего я не знаю.

Генри Маргаритка: Вперёд, леди. Смелее!

Шрусбери: Она меня когда-нибудь доведёт, эта шалая баба! Бесс, тащи мне выпить всё, что есть в доме: я буду запивать пиво мадерой, мадеру кларетом, кларет самогоном, а потом опять вернусь к пиву! Я вам покажу, как честным людям театры устраивать!

Занавес.

